

предназначена какая-то роль среди людей, ее окружающих, и отъ этого сознанія испытываетъ высокое счастье — до минуты, когда доносятся до нея слова проходящихъ мимо влюбленныхъ: «И зачѣмъ только приходитъ сюда эта старая дура?»...

За десять лѣтъ, протекшихъ со дня безвременной смерти Катерины Мансфильдъ, извѣстность ея все ширилась и симпатія къ ней росла съ каждымъ днемъ. Въ любви, чуть ли не нѣжности, которая теперь окружаютъ ея ими, въ той особенной близости душевной, которая столь многіе къ ней испытываютъ, — залогъ того, что и для послѣ-военнаго поколѣнія жизнь во все не превратилась въ безмысленное, безобразное мѣсиво, какимъ представляется она Селшну. Нельзя ждать оптимизма отъ людей нашего времени. Не была оптимисткой и Катерина Мансфильдъ. Но, подобно ей, люди отказываются все же ставить знакъ равенства между міромъ и страданіемъ; подобно ей, они, несмотря на все, еще сохраняютъ волю къ жизни и способность къ счастью.

М. Канторъ.

БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

(Воспоминанія о Владимірѣ Соловьевѣ)

Впервые я встрѣтилъ его, когда былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, а онъ — молодымъ профессоромъ, уже закончившимъ, впрочемъ, свою профессуру, послѣ извѣстной рѣчи въ пользу помилованія убійць 1-го марта.

Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Москвѣ, въ Пименовскомъ переулкѣ, у графини Софіи Андреевны Толстой (вдовы поэта А. К. Толстого), въ обширномъ барскомъ особнякѣ Мансуровыхъ. Графиня, жившая обычно въ Петербургѣ, проводила эту зиму въ Москвѣ.

Я уже зналъ, что Вл. Соловьевъ — «философъ», не совсѣмъ, конечно, понимая значеніе этого слова. Но впечатлѣніе онъ произвелъ на меня самое глубокое. Поражала и его наружность: онъ и тогда ужъ напоминалъ чѣмъ-то «светхозавѣтнаго пророка» — въ юности. Съ тѣхъ поръ мы встрѣчались съ Вл. Соловьевымъ много разъ; иногда я видѣлъ его часто, по нѣскольку разъ въ недѣлю; иногда — съ перерывомъ на годы. И такъ почти до самой его смерти. Но первое впечатлѣніе осталось незабвеннымъ.

Есть у Соловьева стихотвореніе: «Бѣлые колокольчики». Какъ и другое въ томъ же родѣ, — «Бѣлые ангелы», — свѣтится оно неяркимъ, какъ бы отраженнымъ, но отличимымъ сразу, «нездѣшнимъ» свѣтомъ. Между тѣмъ, образъ «Бѣлыхъ колокольчиковъ» — здѣшній: цвѣты стараго парка гр. Тол-

стого въ усадьбѣ подь Петербургомъ, — Пустынькѣ. На низменной и безнадежно-унылой равнинѣ есть уголки неожиданной прелести. Пустынька, расположенная на крутомъ и высокомъ обрывѣ надь рѣкой Тосной, одинъ изъ такихъ уголковъ. Эту усадьбу постоянно посѣщаль Соловьевъ; за двадцать пять лѣтъ не мало въ ней провелъ онъ недѣль, даже мѣсяцевъ. Тамъ и я встрѣчался съ нимъ часто.

Помню напускное равнодушіе (въ немъ скрывалась, можетъ быть, стыдливо-суровая замкнутость юности), — съ какимъ я выслушиваль многія слова его, уже и тогда меня поражающія. Помню, эта замкнутость порою сообщалась и ему, и онъ вдругъ умолкаль, — не то, что обижаясь, а какъ бы собираясь обидѣться: это было странно и почти забавно при большой разницѣ нашихъ лѣтъ и положеній.

Будучи въ Пустынькѣ въ то самое время, когда онъ кончалъ «Три разговора», я однажды сказалъ ему, что въ нихъ есть что-то напоминающее Платона.

— Странно, что вы это замѣтили, — удивился онъ. — Я какъ разъ въ последнее время много занимался Платономъ.

И потомъ добавилъ со своимъ обычнымъ, внезапнымъ, какъ будто холоднымъ и напряженнымъ, а на самомъ дѣлѣ тоже стыдливо-замкнутымъ, юношескимъ смѣхомъ:

— Ну что-же, очень радъ, что напоминаю Платона.

Тамъ-же, въ Пустынькѣ, говорилъ онъ мнѣ о бѣлыхъ колокольчикахъ на обрывѣ:

— Нигдѣ я такихъ не видываль. Подь Москвой они блѣдно-лиловые, въ другихъ мѣстахъ темно-фіолетовые, а такіе, совершенно бѣлые, только здѣсь, въ Пустынькѣ...

Мнѣ ничего не извѣстно о личныхъ отношеніяхъ Вл. Соловьева съ Алексѣемъ К. Толстымъ. Но знаю, что послѣ смерти Толстого (въ концѣ семидесятихъ годовъ) Влад. Серг. былъ постояннымъ гостемъ его вдовы.

Домъ Толстыхъ пользовался извѣстностью въ тогдашнемъ Петербургѣ. Благодаря личной дружбѣ поэта съ Александромъ П., свѣтское общество встрѣчалось, въ салонѣ Толстыхъ, съ писательскимъ міромъ. Въ то время, «салонъ» этотъ былъ центромъ умственной жизни. Его духъ, смолоду обвѣявшій Соловьева, сказывался въ немъ и впоследствии. Упоминаю объ этомъ, потому что нити, идущія отъ Ал. Толстого къ Соловьеву, обычно пренебрегаются біографами философа. Конечно, Ал. Толстой не былъ философомъ; но онъ былъ человѣкомъ глубокой мысли, вѣрише — глубокой задумчивости, съ жаднымъ влеченіемъ къ «мистикѣ». И если даже этотъ «духъ» Ал. Толстого не былъ источникомъ мистики соловьевской, то все же она питалась имъ: «Бѣлые Ангелы» Соловьева выросли изъ «Бѣлыхъ колокольчиковъ» Пустыньки.

Есть въ Соловьевѣ и другія черты, связывающія его съ Ал. Толстымъ,

«анти-москвцемъ», «кѣвляниномъ», поборникомъ связи Россіи съ Западомъ, пѣвцомъ западнаго начала въ русской стихіи. И Соловьевъ, — пусть кое что сблизало его со славянофилами, — никогда не былъ «восточникомъ»: онъ жилъ и умеръ «западникомъ» (не въ чисто-русскомъ, а въ обще-европейскомъ смыслѣ).

И еще одно вліяніе Пустыньки на Соловьева: оно идетъ отъ Козьмы Пруткова. Что такое Козьма Прутковъ? Собирательное творчество четырехъ лицъ? Нѣтъ; въ томъ, что дѣлаетъ Пруткова такимъ вѣчнымъ и живымъ лицомъ, онъ — созданіе Ал. Толстого. Сущность Пруткова понята слишкомъ односторонне и узко. Это не только въ «перль созданія» возведенная пошлость, но и нѣчто болѣе глубокое: это превратная «мистика» пошлости. Начавъ ее понимать и съ ней бороться Ал. Толстой, продолжалъ и углубилъ борьбу Соловьевъ, но уже не въ книгахъ, а въ жизни (только въ «Трехъ Разговорахъ», этомъ Соловьевскомъ «Апокалипсисѣ», звучитъ внезапнымъ и почти невыносимымъ диссонансомъ, — «скрежетомъ ножа по стеклу» въ небесной музыкѣ сферъ — Прутковско-Толстовскій смѣхъ: «Камергеръ Деларю»). Но эта борьба съ «мистикой пошлости» происходитъ у Соловьева на такой глубинѣ, и, можетъ быть, такъ бессознательно, что, еслибъ я не зналъ его лично, не слышалъ тогда и не помнилъ сейчасъ его загадочно-страннаго, почти жуткаго, смѣха (тоже «скрежетъ ножа по стеклу» въ небесной музыкѣ сферъ), то ничего не зналъ бы и объ этой скрытой борьбѣ, или ничего бы въ ней не понять.

Да и вообще Соловьевъ въ чемъ-то личномъ, неповторимо-единственнымъ, странно и жутко сходствуетъ съ Ал. Толстымъ, точно съ двойникомъ своимъ «вездѣшнимъ».

Однажды, Соловьевъ читалъ, въ моемъ присутствіи, у С. П. Хитрово неизданныя письма Ал. Толстого. Было много народу; чтеніе продолжалось весь вечеръ. И вотъ, помню мое впечатлѣніе: кто читалъ письма, и кто писалъ ихъ — одно лицо.

Въ домѣ Хитрово, гдѣ какъ бы продолжался «салонъ» Толстыхъ, я и встрѣчался чаще всего съ Соловьевымъ, который былъ тамъ постояннымъ гостемъ.

Соловьевъ вполне вошелъ въ это общество. Можетъ быть, оно притягивало его извѣстной простотой, терпимостью, отсутствіемъ сектантства и кружковщины, а, можетъ быть, еще созвучіемъ съ тѣмъ, что въ самомъ Соловьевѣ могло казаться, и дѣйствительно было, — «аристократизмомъ».

Отъ своего происхожденія Соловьевъ отнюдь не отрекался, напротивъ: онъ священника, — онъ этимъ гордился. Но «свѣтскость» въ немъ была. Порою онъ, какъ будто нарочно, подчеркивалъ ея смѣшныя стороны, часами предаваясь салонному остроумію и каламбурамъ (напримѣръ, насчетъ созвучія *concoeur hiprique* и *concoeur érique*). Не чуждался онъ и скабродныхъ анекдота. И чѣмъ неудачнѣе была его собственная или чужая остро-

та, тѣмъ онъ искреннѣе ей радовался. Онъ какъ будто «отдыхалъ» на этихъ пустякахъ; комичное же вообще было ему присуще.

Помню всякой внѣшней «свѣтскости», въ Соловьевѣ жилъ и подлинный джентльменъ. Помню, какой то юноша, задумавъ написать комедію, помѣстилъ въ списокъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ характеристиками и Соловьева (подъ вымышленной, конечно, фамиліей).

Характеристику далъ грубую, но злую и остроумную. Какъ водится, это дошло до Соловьева. Онъ былъ, кажется, обиженъ. Однако, встрѣтивъ автора, сказалъ добродушно:

— Знаете, смѣяться надъ кѣмъ угодно, — право каждого. И я осмѣивалъ своихъ друзей. Но дѣлать это надо при одномъ условіи: имъ первымъ показывать шутку. Такъ я всегда поступалъ. О вашемъ же пасквилѣ я узналъ со стороны: нехорошо!

Былъ у Горбунова разсказъ: изъ петербургскаго поѣзда выходятъ на станціи Любань два молодыхъ, типичныхъ, «интеллигента»; въ буфетѣ они видятъ сидящаго за тарелкой шей Соловьева. «Смотри! говоритъ одинъ. Это Соловьевъ. Философъ — а тоже ѣстъ!».

Да, Соловьевъ ѣлъ и даже, при умѣренности въ пищѣ, отнюдь не относился къ ней съ пренебреженіемъ. Любилъ и вино, особенно шампанское. Почти всегда у него можно было найти полбутылку «Клико - England». Даже за завтракомъ, въ любимомъ его Малоярославицѣ, онъ, случалось, предлагалъ:

— А что, не выпить ли намъ шампанскаго?

Признаніе правъ и за «плотью» соотвѣтствовало его религіознымъ взглядамъ. Соловьевское христіанство — религія не только безсмертнаго духа, но и безсмертной плоти. Онъ любилъ жизнь; онъ былъ религіознымъ исповѣдникомъ жизни; и даже мелочами ея интересовался, будучи менѣе всего «ходячей абстракціей».

Въ толкахъ о «праведности» Соловьева много непониманія. Самъ онъ насчетъ «праведности» не любилъ высказываться. Въ немъ вообще было не мало затаеннаго, что могло пониматься на-двое. Вѣроятно, былъ онъ, какъ всѣ живые люди: то грѣшнымъ, то праведнымъ. Главная же сила его, и дѣйствительная «праведность», — это врожденная любовь къ добру и ненависть ко злу; сила, какой обладаютъ немногіе.

Соловьева можно назвать «вѣчнымъ странникомъ»; и въ смыслѣ не только внѣшней переменъ мѣсть, но и внутренней. Съ легкостью, даже съ радостью, переходилъ онъ отъ догматическаго богословія къ лирикѣ, отъ философіи къ срочной журнальной работѣ (которой существовалъ), — такъ же, какъ изъ уединенной своей квартиры переносился онъ въ многолюдные великосвѣтскіе салоны. И, поочередно измѣняя своимъ склонностямъ и «жребіямъ», онъ оставался вѣренъ имъ всѣмъ. Здѣсь, кажется, раскрывается еще одна черта Соловьева, его подлинной сущности.

Онъ быть нѣжнымъ сыномъ, братомъ, добрымъ другомъ. Но врядъ ли я ошибусь, если скажу, что любили его болѣе, чѣмъ любилъ онъ самъ. Былъ въ немъ какой то «холодокъ». Было и то, что могло казаться «фальшью» въ отношеніяхъ его къ женщинамъ и друзьямъ, но фальшью, конечно, не было. Я думаю, эти черты, кое кого отъ него отталкивавшія, объясняются нѣкоторою отрѣшенностью отъ обычныхъ житейскихъ измѣреній, или собаго рода ясно-видѣніемъ. Онъ очень любилъ жизнь; въ несовершенствѣ жизни онъ видѣлъ скрытую высшую правду ея; но видѣлъ также и мнимость виѣшнихъ красотъ жизни. Это-то ясновидѣніе и охлаждало его чувства. Но безъ него, безъ «вѣчной вѣрности въ вѣчныхъ измѣнахъ», не было бы и Соловьева съ его обаяніемъ живой человѣческой личности.

Въ ней, въ живой личности, и заключалась главная сила Соловьева. Онъ не вмѣщается въ свои книги, какъ онѣ ни глубоки. Многое изъ его «прозрѣній» въ нихъ не вошло. Да и въ жизни любилъ онъ молчать. Этотъ блестящій собесѣдникъ, говорунъ, вдругъ среди оживленнѣйшаго спора, — умолкалъ. Или, вмѣсто отвѣта, раздражался безпричиннымъ, внезапнымъ смѣхомъ, такимъ пронзительнымъ, ни на что не похожимъ, что однимъ становилось жутко, а другимъ, — вѣроятно, немногимъ, — открывалось вдругъ въ вдѣшемъ, знакомомъ лицѣ его, иное, далекое, чуждое... и вмѣстѣ съ тѣмъ влекущее къ себѣ. Не то ли самое, что свѣтится и въ «Бѣлыхъ Ангелахъ» — въ «Бѣлыхъ Колокольчикахъ»?

А. Салтыковъ.

*Есть законъ — о немъ никто не знаетъ
Тайна есть — ее не объяснить.
Блѣдная душа не понимаетъ, —
Все не въритъ, что нельзя любить.*

*Все еще ей слышится: любите.
Полюби, попробуй — навсегда.
Оборвутся все живыя нити,
Вспыхнутъ и сгорятъ, какъ провода.*

*И во тьмѣ, внезапно наступившей,
Ты одинъ останешься наоткѣ.
Береись, земное полюбившій,
Счастья пожелавшій, человекъ!*

В. Злобинъ.